

Заканчивая рассмотрение вопроса о мировоззрении Аммиана Марцеллина, мы можем прийти к некоторым выводам. Аммиан Марцеллин, на наш взгляд, принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим взглядам объективно поддерживала идеологию старой римской senatorской аристократии. Это нашло свое выражение как в консервативной идеализации римского исторического прошлого и прославлении могущества Римского государства, так и в отстаивании античных культурных традиций и языческих религиозных представлений. Но это еще далеко не самое главное. Неизмеримо важнее было то, что языческая интеллигенция, недовольная деспотизмом императоров и чиновной бюрократии, нашла опору в своих оппозиционных выступлениях именно во фрондирующей против системы домината и господства христианской церкви высшей рабовладельческой знати. Столь влиятельная политическая поддержка senatorской аристократии и дала возможность оппозиционно настроенным историкам, подобным Марцеллину, открыто высказывать свои политические взгляды.

В своих разоблачениях произвола императоров и чиновников Аммиан был далеко не одинок: эти обличительные тенденции можно проследить и у Ливания, Евнация, Зосима¹⁵². Еще любопытнее, что проповедь оппозиционных идей продолжается в трудах более поздних византийских авторов и доходит до своей кульминации в «Тайной истории» Прокопия.

Аммиана Марцеллина и Прокопия роднит как общая для них приверженность к античной цивилизации, недоверие и ненависть к варварам, так и социально-политические идеи защиты крепкой монархической власти, опирающейся на высшую аристократию, и резко отрицательное отношение к низшим классам общества.

Особенно же поражает одинаково страстный обличительный характер исторических сочинений того и другого историка.

Таким образом, Аммиан был одним из основоположников того оппозиционного направления в историографии, которое выступило в угоду senatorской знати против государственной централизации и деспотизма императоров эпохи домината и ранней Византии. В этом отношении византийская историография раннего периода, особенно в лице Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты, непосредственно продолжает и развивает идеи, заложенные в труде Аммиана.

Это, конечно, отнюдь не исключает существования значительных различий в идейно-политической и философской направленности трудов Аммиана и Прокопия, Агафия или Феофилакта Симокатты. С течением времени явственно изменяется отношение историков к христианству, становясь мало-помалу все более ортодоксальным (Феофилакт Симокатта)¹⁵³, меняются философско-этические концепции, модифицируется отношение к варварам (Агафий)¹⁵⁴. Однако не это является, на наш взгляд, решающим. Важно, что начиная с Аммиана в историографии все явственнее обособляются два основных течения: светское, опирающееся на античные традиции и оппозиционное к христианской монархии, и церковно-христианское, проводящее библейскую концепцию всемирной истории и послужившее основой средневекового летописания¹⁵⁵. Они продолжают параллельно развиваться, оказывая друг на друга огромное взаимное влияние вплоть до середины VII в.

Все сказанное позволяет нам считать Аммиана Марцеллина не только последним великим римским историком, но и первым византийским историографом, зачинателем светского течения в историографии ранней Византии.

¹⁵² Н. Н. Розенталь. Указ. соч., стр. 89 сл.; «История Византии», т. 1, стр. 18 сл.

¹⁵³ «История Византии», т. 1, стр. 40.

¹⁵⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵⁵ Там же, стр. 41 сл.